

Ой, Мишка, как же страшно мне!

Л. Тасси

Оборванного мишку утешала
Девчушка в изувеченной избе:
«Не плачь, не плачь... Сама недоедала,
Полсухаря оставила тебе...
... Снаряды пролетали и взрывались,
Смешалась с кровью черная земля...
Была семья, был дом... Теперь остались
Совсем одни на свете — ты и я...»
... А за деревней рощица дымилась,
Поражена чудовищным огнём,
И Смерть вокруг летала злою птицей,
Бедой нежданной приходила в дом...
«Ты слышишь, Миш, я сильная, не плачу,
И мне дадут на фронте автомат.
Я отомщу за то, что слезы прячу,
За то, что наши сосенки горят...»
Но в тишине свистели пули звонко,
Зловещий отблеск полыхнул в окне...
И выбежала из дому девчонка:
«Ой, Мишка, Мишка, как же страшно мне!...»
... Молчание. Ни голоса не слышно.
Победу нынче празднует страна...
А сколько их, девчонок и мальчишек,
Осиротила подлая война?!..

Дети войны

Светлана Сирена.

Дети войны, вы детства не знали.
Ужас тех лет от бомбёжек в глазах.
В страхе вы жили. Не все выживали.
Горечь-попынь и сейчас на губах.
Дети войны, как же вы голодали...
Как же хотелось собрать горсть зерна.
На зрелых полях колосья играли,
Их поджигали, топтали... Война...
Чёрные дни от пожаров и гари-
Детским сердцам непонятны они.
Зачем и куда тогда вы бежали,
Всё покидая, в те горькие дни.
Где ж вы, родные мои, отзовитесь?!
Сколько же лет разделяло людей?
Дети войны, как и прежде, крепитесь!
Больше вам добрых и радостных дней!

Мальчик из села Поповки

С. Я. Маршак

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись ребёнок —
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы —
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик без слёз,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс.
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспах вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребёнка на снегу.

Две строчки

Твардовский

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал
Да лед за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забытый, маленький, лежу.

Крохотный, слабый, беспомощный

Лариса Луканева.

Крохотный, слабый, беспомощный
В мире огромном, неистовом
Робко гуляет по кромочке,
В воздухе слышатся выстрелы.
Ножками белыми, ловкими
Перебирает по лестнице.
У перебранки с винтовками
Первая пуля, как вестница.
Кто эти люди жестокие?
В чём их бесовская миссия?
Будешь ли жить одиноким ты,
Жертвой житейской коллизии?
Мячик, как Землю, прижми к себе,
Спрячь от чужого и пришлого.
Хочется доброго, мирного,
Светлого, ясного, пышного!
Мальчик, глазами которого,
Тяжко взирает бездолие...
Ценится, в мире, где взрослые,
Жизнь, как и прежде, недорого.

Вы смотрели в глаза тех детей

Екатерина Кирилова.

Вы смотрели в глаза тех детей,
Знает кто о войне не из книжек:
Потерявших отцов, матерей,
С умным взглядом невзрослых детишек?..
Их, прошедших все годы войны,
Не пугают небесные грозы,
Но боятся они тишины –
В ней таится немая угроза.
Нападения страшной беды,
Что страшнее жары и мороза.
И в судьбе оставляет следы
Злых деяний, насилия... слёзы...
Над детьми, что убила война,
Валуны скорбно приняли позы,
И склонилась над ними страна,
И стоят часовыми берёзы.

Дети войны

Светлана Сирена.

Дети войны, вы детства не знали.
Ужас тех лет от бомбёжек в глазах.
В страхе вы жили. Не все выживали.
Горечь-полынь и сейчас на губах.
Слёзы в глазах от обид застывали.
Кровь и расстрелы. Горела страна...
Долго ее из руин поднимали,
Жить лучше мечтали... Снова война.
Дети войны, как же вы голодали...
Как же хотелось собрать горсть зерна.
На зрелых полях колосья играли,

В пилотке мальчик босоногий...

Твардовский 1943

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплочным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.
Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.
Стремглав попутные машины
Пронесят пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть сирота?
И на лице, в глазах, похоже, —
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.
В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота. — И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

О детях войны

Валентина САЛИЙ

Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли!
В поле, в оккупации, в плену,
Продержались, выжили, смогли!
У станков стояли, как бойцы,
На пределе сил,
но не прогнулись
И молились, чтобы их отцы
С бойни той невыносимой вернулись.
Дети, что без детства повзрослели,
Дети, обделенные войной,
Вы в ту пору досыта не ели,
Но честны перед своей страной.
Мерзли вы в нетопленных квартирах,
В гетто умирали и в печах.
Было неудобно, страшно, сыро,
Но несли на слабеньких плечах
Ношу непомерную, святую,
Чтоб скорее мира час настал.
Истину познавшие простую.
Каждый на своем посту стоял.
Девочки и мальчики войны!
На земле осталось вас немного.
Дочери страны! Ее сыны!
Чистые пред Родиной и Богом!
В этот день и горестный, и светлый,
Поклониться от души должны
Мы живым и недожившим детям
Той большой и праведной войны!

Их поджигали, топтали... Война...
В детских глазах испуг все читали.
Как же понять, что такое война?..
Взрослые дяди в них просто стреляли,
Их убивали, сжигали дотла.
Чёрные дни от пожаров и гари –
Детским сердцам непонятны они.
Зачем и куда тогда вы бежали,
Всё покидая, в те горькие дни?
Дети войны быстро взрослыми стали.
Их детство украли фашисты-враги,
Дети войны игрушек не знали,
Книг не читали, прожить не могли.
Многих спасли, но другие пропали:
От голода, пуль они полегли...
Братья и сёстры друг друга теряли,
Кого-то в детдом поместить помогли.
Позже друг друга годами искали...
Время бежало, взрослели и мы.
Может, всю жизнь этой весточки ждали,
Слёзы душили от разной молвы.
Где ж вы, родные мои, отзовитесь?!.
Сколько же лет разделяли людей!
Дети войны, как и прежде, крепитесь!
Больше вам добрых и солнечных дней!

**А мы не стали памяти перечить
Р. Рождественский**
А мы не стали памяти перечить
И, вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.
Была зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.
И нас большая Родина хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.
Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

**Венский вокзал в сорок пятом
Леонид Серый**
Я помню «Западный» вокзал. Так, не вокзал —
одно название.
Сраженья гул ушел на запад и постепенно вовсе
смолк.
На рельсах сидя отдыхал прошедший
укомплектованье,
А проще — заново рождённый, наш боевой

Мира вам, здоровья, долголетия,
Доброты, душевного тепла!
И пускай нигде на целом свете
Детство вновь не отберет война!

Варварство

Муса Джалиль.

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,
Прижались к матерям, цепляясь за подолы.
И выстрела раздался резкий звук,

стрелковый полк.
О том, что завтра будет, мы не говорили
суеверно.
В дыму и копоти над Веной апрельский вечер
догорал
И очень юный лейтенант, учитель музыки
наверно,
Красиво на аккордеоне нам вальсы Штрауса
играл.
И на платформу вполз состав, идущий на восток
куда-то,
Шел медленно и осторожно, как бы стараясь не
греметь,
В вагонах, в тех, что возят скот, стояли дети в
полосатом
Так ужасающе худые, что жутко было
посмотреть.
Состав вздохнул и тихо встал, поскрипывая
тормозами.
В другое время я бы думал, что это зрелище изъясн
—
Скелетики в товарняках с пустыми темными
глазами.
Одни глаза. Сейчас такими рисуют инопланетян.
Скупой военный разговор на полуслове
прерывая,
Мы замолчали. Всех вернее здесь подходило
слово «шок».
И наступила тишина на самом деле гробовая...
Я как лунатик сел на рельсы и стал развязывать
мешок.
И вся стрелковая братва от онемения очнулась,
Волна шинелей колыхнулась, для наших нет
беда чужой,
Солдаты, гравием хрустя, к вагонам шли и вверх
тянулись,
Протягивая этим детям всё, что имели за душой.
Тушёнка, сахар, сухари, всё из потаек
извлекалось,
Трофейный шоколад, галеты, компот, трофейная
халва,
И мужики, в бою – зверьё, всё повидавшие,
пытались,
Сквозь неудержанные слёзы, найти поласковой
слова.
Сопровождавшие детей медсёстры-девушки
примчали,
Они металась вдоль состава, весь полк пытаюсь
вразумить,
Отталкивая нас назад, они рыдали и кричали –
Солдатики, остановитесь! Нельзя! Нельзя детей
кормить!
Пришедшие на тот перрон две местных тётки с
узелками
Упали разом на колени там, где стояли в пыль и
грязь,

Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать!
Он плачет и, как лист, сдержать не может
дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь?
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь
ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!
Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

РАССКАЗ ТАНКИСТА.

Л. Твардовский.
Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут его, забыл его спросить...
Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,—
И не поймёшь, откуда бьёт.

И, наклонившись до земли, и, заслонив лицо
руками,
Раскачиваясь, жутко выли, то ли казнясь, то ли
молясь.
Гнетущий хор людской беды звучал нелепо и
нестройно,
Народ не мог остановиться в порыве чувства
своего.
И только дети в полутьме стояли тихо и
спокойно
И их глаза на бледных лицах не выражали
ничего.
До нас дошло — кормить нельзя! Мы всё
сложили аккуратно
На полках первого вагона, где был устроен
лазарет.
В последний раз я в те глаза взглянул, и стало
мне понятно...
В тот миг отчётливо и ясно я осознал – Что бога
нет!!..
Война не ждёт, мы шли вперёд, наш мир
нуждается в защите.
Недалеко в моей колонне шел пожилой седой
солдат
И всё шептал: — Простите, деточки... Ох, деточки
простите...
Как будто он и правда в чём-то был перед ними
виноват.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка: —
Товарищ командир, товарищ командир!
Я знаю, где их пушка. Я разведаль...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.
Что ж, бой не ждёт.— Влезай сюда, дружище!
—
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.
Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
Заходим в тыл, и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.
Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал-
Был трудный бой.
Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

Питерские сироты
Ахматова.
Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.
Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

